ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

ЭХО ЧУЖОГО СОЗВЕЗДИЯ

ОСКОЛКИ ЧУЖОГО НЕБА

КНИГА ПЕРВАЯ И ЧАСТЬ 1

Валентина Садыкова

Эхо чужого созвездия

«Автор»
2026

Садыкова В. С.

Эхо чужого созвездия / В. С. Садыкова — «Автор», 2026

Два мира. Одно расколотое сердце древней цивилизации. И любовь, ставшая мостом над бездной энтропии».**> Земной реставратор Майя и безмолвный инопланетный хранитель Тарис объединяют разум и плоть, чтобы остановить культ уничтожения и раскрыть величайшую тайну происхождения человечества.

© Садыкова В. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Валентина Садыкова
Эхо чужого созвездия

Глава 1

Часть I: Осколки чужого неба
Глава 1. Пыль и резонанс

Запах тлена и старого пергамента Майя умела отличать с закрытыми глазами. Тлен пах сырой известью и черной плесенью, а пергамент — сухим животным клеем, степными травами и легкой, едва уловимой горечью миндаля. То, что лежало перед ней на столе под гудящей лампой дневного света, не пахло ни тем, ни другим. Оно пахло грозой в степи, когда молния бьет в сухой песок и превращает его в ветвистые стеклянные трубки. Этот артефакт привезли в лабораторию Института геологии и археологии тремя днями ранее: темная пластина размером с ладонь взрослого человека, с неровными, будто оплавленными краями, покрытая бороздками, подозрительно напоминавшими линейное письмо неизвестной культуры. По документам предмет проходил как «геологическая конкреция с аномальной кристаллизацией», найденная на руднике в Забайкалье на глубине четырехсот метров. Майя поправила резиновые перчатки, взяла мягкую беличью кисть и коснулась темного наплыва в центре пластины. Воздух в маленькой лаборатории внезапно стал тяжелым, маслянистым. Гудение лампы перешло в низкий, вибрирующий в зубах гул. — Лисова, бросай это дело, чаю выпьем, — послышался из коридора голос пожилого завлаба, Павла Петровича. Скрипнула дверь. Майя не успела ответить. Под кончиком беличьей кисти пластина дернулась. Не сдвинулась по столу, а именно содрогнулась изнутри, словно просыпающееся животное. Синеватый всполох, тонкий, как волосок, ударил в стальной пинцет, лелеемый Майей еще со студенческих лет. Боль не пришла сразу. Пришел холод. Ледяная игла вошла в кончики пальцев правой руки, мгновенно взбежала по предплечью, ударила под ключицу и рассыпалась в груди колючим стеклом. Мир потерял резкость. Лаборатория — стеклянные колбы, стеллажи с папками, облупленная зеленая краска на подоконнике — вытянулась в тонкие параллельные полосы. Она услышала звук, похожий на вздох огромных легких, и собственное сердце ответило ему не в такт. Последним, что зафиксировало угасающее сознание, был треск лопающихся лампочек и гулкий стук падающей чашки в коридоре. *** Падение было не падением, а выталкиванием. Словно тяжелая волна швырнула ее на берег, сдирая кожу о гальку. Майя закашлялась, захлебнулась воздухом, слишком плотным, пахнущим медью и хвоей неизвестного вида. Легкие обожгло. Она инстинктивно сжалась в комок, вцепившись пальцами в почву. Пальцы наткнулись не на землю и не на траву: это были мелкие, круглые чешуйки, прохладные, шелестящие, как россыпь стекляруса. Она открыла глаза. Над ней не было потолка лаборатории. Не было и привычного земного неба. Небесный свод походил на внутреннюю поверхность треснувшей фарфоровой чаши: лилово-серая мгла, сквозь которую гигантской светящейся дугой протянулось кольцо из белых каменных глыб. Они висели неподвижно, вопреки всякой гравитации, отбрасывая на низкие перистые облака длинные голубоватые тени. — Бред, — вслух сказала Майя. Голос прозвучал хрипло, плоско, потерявшись в пугающей тишине. — Кислородное голодание. Или токсический отек легких. Она медленно села. Голова кружилась так, будто ее прокрутили в центрифуге. Вся правая рука от кисти до локтя онемела; взглянув на кожу, Майя замерла: вдоль вен, повторяя их рисунок, светились тонкие сапфировые линии. Они пульсировали в такт биению пульса, постепенно угасая, превращаясь в темно-синие, словно въевшаяся татуировка, следы. Она была одета в свой рабочий бежевый свитер, джинсы и лабораторный халат. На поясе все еще висел чехол со швейцарским складным ножом, а в кармане халата лежали маркер и блокнот. Базовый набор

человека, выброшенного за пределы известной вселенной. Кругом расстилался лес, но лес мертвый или замерший в глубоком оцепенении. Деревья напоминали гигантские спирали из темного, отполированного дерева, лишенные листьев. Вместо крон в воздух уходили переплетения полупрозрачных волокон, внутри которых медленно двигались сгустки янтарного света. Ни птиц, ни шелеста ветра. Только низкая, едва уловимая вибрация под ногами — та самая, что разбудила пластину на ее рабочем столе. Майя поднялась на ноги, опираясь о ствол ближайшей спирали. Кора оказалась обжигающе теплой. Дерево вибрировало, как трансформаторная будка. Сзади хрустнуло. Это не был звук шагов зверя или человека. Это был звук соприкосновения двух полированных камней. Майя резко развернулась, нащупывая в кармане нож, прекрасно понимая всю нелепость крошечного лезвия против того, что могло обитать под расколотым небом. В десяти шагах от нее, между двумя искривленными стволами, стояло существо. Высокий — не меньше двух метров, сухощавый, с пропорциями, которые на первый взгляд казались человеческими, но при втором взгляде вызывали у земного глаза приступ тревоги: предплечья были чуть длиннее нормы, плечи шире, а посадка головы выдавала хищную, идеальную балансировку тела. На нем были плотные пластины пепельного цвета, напоминавшие выдувное вулканическое стекло, соединенные полосами грубой, серой ткани. Но лицом — если это можно было назвать лицом — он не был чудовищем. Кожа цвета старого серебра, матовая, без пор и морщин. Тонкие, точеные черты, лишенные бровей и ресниц, и глаза: глубокие, миндалевидные, с вертикальными золотистыми прожилками на абсолютно черном белке. Ни ноздрей в привычном понимании (лишь две узкие щели у основания переносицы), ни речевого аппарата, к которому привык человек. Он смотрел на нее не со страхом и не с голодом. В его взгляде читалась бесконечная, многовековая усталость и… узнавание. Он медленно поднял руку. Пальцев было пять, но они были тонкими, длинными, увенчанными темными пластинами вместо ногтей. Он указал на ее правую руку — туда, где под кожей Майи все еще тлел сапфировый след. Затем в ее голове зазвучал голос. Он не был речью из слов. Это было ощущение: вкус талой воды, запах сухой полыни и образ огромной каменной двери, запертой на ключ, который только что провернулся в замке. *«Ты пришла не оттуда, где рождаются звезды. Ты пришла из тишины. Почему на тебе печать Первого Пепла?»* Майя медленно отступила на шаг назад, уперевшись спиной в теплое гудящее дерево. Сердце колотилось в горле, отбивая панический ритм. — Я… я не понимаю, — прошептала она, зная, что язык слов здесь бесполезен. — Я реставратор. Я просто чистила камень. Существо наклонило голову набок. Золотистые прожилки в его глазах вспыхнули ярче, резонируя с пульсацией в ее собственной руке. Он сделал плавный шаг вперед, и почва под чешуйчатым покровом тихо застонала, отзываясь на каждое его движение.

Глава 2. Язык кремния и соли

* Воздух между ними задрожал, как над нагретым асфальтом. Существо не двигалось быстро, в его шаге не было порыва хищника, выслеживающего добычу. Это было размеренное, гравитационное приближение — так падает на дно колодца сорвавшийся тяжелый камень. На дистанции в три шага от него пахнуло сухим озоном, мелом и горьким привкусом железа, какой бывает во рту после долгого бега по морозу. Майя не закричала. Страх, копившийся в груди, почему-то не перешел в истерику — сработала многолетняя привычка музейщика замирать перед хрупким, готовым осыпаться артефактом. Не делать резких движений. Не дышать на красочный слой. Не провоцировать распад. Пальцы в кармане все еще сжимали складной нож, но ладонь взмокла. *«Твой ум полон шероховатостей. Ты мыслишь плоскостями, как вода, замерзшая в мелкой луже»,* — прозвучало не в ушах, а прямо за глазными яблоками. Мысль чужака не имела тембра, но несла в себе тяжесть: Майя буквально ощутила, как в затылке натянулись тугие жилы. Образ, пришедший следом, был четким: тонкая трещина, ползущая по гладкому стеклу витрины. Чужак опустил руку. Тонкие серые пальцы плавно скользнули по воздуху, очерчивая контур ее правой кисти. Сапфировые линии под кожей Майи тут же вспых-

нули ярче, отозвавшись резким, колющим жаром. — Не трогай, — выдохнула она, отдергивая руку к груди. Голос сорвался на хрип. — Кто ты такой? Где я? Существо слегка склонило голову набок. Золотые прожилки в его бездонных глазах дрогнули, сжались в плотные спирали. Он словно исследовал издаваемые ею звуки, как специалист изучает стук неисправного механизма. *«Звуковые колебания. Бесполезная трата влаги и тепла»,* — передал он. На этот раз импульс сопровождался ощущением сухого песка, пересыпающегося между пальцами. *«Я — Тарис. Тот, кто держит рубеж спящих жил. Это место называется Эрида. Но тебе это имя ничего не скажет. Твоя колыбель слишком далеко, чтобы ее свет достигал наших скал».* Он сделал еще полшага вперед. Теперь Майя видела тонкую вязь узоров на его серебристой коже: это были не шрамы и не рисунки, а микроскопические кристаллы, сросшиеся с плотью вдоль шейных сухожилий и скул. При каждом вдохе кристаллы мерцали бледно-лиловым светом. Тарис протянул открытую ладонь — вверх, в жесте, который у людей означал бы предложение мира или просьбу подать руку. Но на его ладони, прямо по центру, кожа разошлась тонкой продольной щелью. Из нее медленно поднялся крошечный, размером с зерно чечевицы, кристалл молочно-белого цвета. *«Положи ладонь. Или оставайся здесь, пока дыхание не разорвет твои легкие. Пыль этих спиралей ядовита для тех, чья кровь не связана с камнем».* Майя судорожно втянула воздух. Только сейчас она осознала, что горло дерет не от пережитого шока: на задней стенке гортани оседала невидимая, сладковато-жгучая взвесь. Легкие тяжелели, словно в них заливали жидкий свинец. Перед глазами поплыли серые пятна. Выбора не было. Довериться ксеноморфу с глазами цвета бездны или задохнуться посреди чужого мертвого леса под расколотым небом — дилемма решалась просто. Она медленно вытащила правую руку из кармана. Пальцы мелко дрожали. Превозмогая инстинктивный ужас перед прикосновением к нечеловеческой плоти, Майя опустила свою ладонь на его руку. Его кожа оказалась не холодной, как ожидалось от существа цвета камня, а обжигающе горячей — градусов сорок пять, не меньше. Сухая, шелковистая, похожая на выделанную замшу. В ту же секунду кристалл на его ладони кольнул центр ее ладони. Майя вскрикнула, попыталась вырваться, но пальцы Тариса сомкнулись вокруг ее запястья с силой гидравлического пресса. Безжалостно, но без намерения раздробить кость. Боль длилась долю секунды. Затем по руке, навстречу сапфировым линиям, хлынула волна плотного тепла. Она докатилась до горла, вымывая жгучую сладость, опустилась в бронхи, расширяя альвеолы. Дышать стало неожиданно легко — воздух перестал казаться густым киселем, запахи обострились до предела. Майя различила в неподвижной атмосфере не просто озон, а сотни незнакомых оттенков: запах тлеющих минералов, аромат замерзшей воды глубоко под землей и странную, тревожную ноту чего-то живого, подстерегающего за пределами поля зрения. Но самым страшным было другое: чужое сознание хлынуло в ее голову открытым шлюзом. Она увидела — не глазами, а памятью его расы — вспышку ослепительного белого огня, разорвавшего небо надвое. Услышала вой трескающейся литосферы. Увидела миллионы существ, похожих на Тариса, стоящих на коленях вокруг колоссальных монолитов, пытающихся удержать осыпающийся мир своими мыслями, связывая распадающуюся материю узлами телепатии. И крушение. Падение гигантских городов-платформ, осколки которых теперь застыли в зените. Тарис резко разомкнул пальцы. Майя покачнулась, осела на колени, уперевшись руками в чешуйчатую почву. Перед глазами все еще пульсировали остаточные вспышки катастрофы чужого мира. Сердце колотилось в горле, но удушье отступило. — Что… что ты сделал? — прошептала она, поднимая голову. Чужак смотрел на нее сверху вниз. Золотые прожилки в его зрачках вибрировали. На его серебристом лице впервые проступила тень эмоции — что-то похожее на глубокое, почти болезненное недоумение. *«Я дал тебе право дышать пеплом Эриды»,* — отозвался он. Голос звучал тише, в нем сквозила странная хрупкость. *«Но ты не должна была выдержать связку. Ты мягкая. Твои кости состоят из хрупкого мела, твои мысли беспорядочны, как рой слепых мошек. Почему печать откликнулась на твою кровь?»* — Я не знаю, о какой печати ты говоришь! — Майя с усилием поднялась,

отряхивая колени джинсов. Руки перестали дрожать, уступая место злости — защитной реакции, которая не раз спасала ее в полевых экспедициях. — Я нашла артефакт в институте. В Сибири. На глубине сотен метров! Это была просто пластина, покрытая письменами! Тарис молчал несколько долгих секунд. Затем он медленно поднял правую руку и коснулся собственной груди — туда, где пластины пепельного панциря сходились в тугой треугольник. Поверхность его нагрудника вспыхнула. Из-под темного стекла проступил рельеф: точно такой же геометрический узор, те же изломанные линии и бороздки, что украшали пластину на ее рабочем столе в далеком Новосибирске. *«Это не пластина. Это ключ от Хранилища Памяти Семи Ветвей»,* — передал он, и мысль его отдалась в висках Майи гулким эхом колокола. *«И он исчез из нашего мира три тысячи оборотов назад, когда Первые предали небо. Если он вернулся… значит, они проснулись на той стороне раскола».* В этот момент почва под ногами Майи резко ушла вниз на пару сантиметров. Низкий гул, до этого едва уловимый, перерос в отчетливый механический скрежет. Стволы-спирали вокруг них задрожали, полупрозрачные нити их крон вспыхнули тревожным багровым светом. С неба, из висящего над головой кольца каменных обломков, сорвался сноп голубоватых искр. Тарис мгновенно изменился. Расслабленная поза исчезла, тело собралось в тугой стальной жгут. Он резко обернулся к чаще, где за причудливыми деревьями сгущалась фиолетовая тень. *«Ищейки культа Пустоты»,* — его мысленный посыл резанул по нервам Майи, как лезвие бритвы. *«Они почуяли разрыв полотна. Беги за мной. Если останешься здесь — они выжгут твой мозг ради одной секунды эха той печати».* Он не стал ждать ее ответа. Развернувшись с нечеловеческой грацией, Тарис скользнул в глубину мертвого леса, почти не касаясь звенящей чешуйчатой земли. Майя выругалась сквозь зубы, поправила лямку висящей через плечо рабочей сумки и бросилась следом за серебряным гигантом в неизвестность. *** **

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.